

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

23 июня 2016 – 15:00

**Максимов
Леонид Владимирович**

Об универсальной формуле моральности

Тезисы доклада

1. В истории этической мысли многократно предпринимались попытки выразить в одной краткой и броской формуле фундаментальный «нравственный закон», из которого могли бы быть выведены конкретные моральные нормы и максимы. Если мораль — это подлинная реалья человеческого мира, а не некий произвольный философский конструкт, если вообще существует такой особый феномен, составляющий в конечном счете предмет всякого этического исследования (какими бы ни были его общефилософские основания и идейные предпосылки), то выявление и формулирование существенных — т.е. необходимых и достаточных — признаков этого феномена могло бы способствовать более точному и глубокому самосознанию этики, элиминации из ее состава тех учений (или их фрагментов), которые без достаточных оснований причисляются к этой области знания.

2. В многочисленных этических кодексах (религиозных, профессиональных и других) вербализуются, суммируются и систематизируются разные по содержанию частные моральные нормы, тогда как для философии морали одной из важнейших задач является поиск общей основы всех этих норм, единого принципа, воплощающего в себе *содержательную* специфику морали. «Золотое правило нравственности» («Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой»), Кантов «категорический императив» («Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»), утилитаристский принцип «максимизации счастья» («наибольшее счастье наибольшего числа людей» как моральный ориентир) — наиболее известные из множества попыток представить в лапидарной форме квинтэссенцию моральности. Обычно подобные формулы предстают как оригинальные *жизнеучения*, выдвинутые (изобретенные) их авторами либо извлеченные ими из «чистого разума» или сверхъестественного сакрального источника. Фактически же их содержание, их предметная направленность представляет собой более или менее удачное предельно абстрактное обобщение множества конкретных моральных норм, сложившихся в обыденном сознании некоторого конкретного социума или всего социального универсума¹. Все эти формулы многократно подвергались в философско-этической литературе критике с тех или

¹ Кант совершенно определенно отказывался от претензий представить свой «категорический императив» в качестве новоизобретенного морального принципа. В предисловии к «Критике практического разума» он писал: «Один рецензент, который хотел сказать что-то неодобрительное об этом сочинении, угадал более верно, чем сам мог предположить, сказав, что в этом сочинении не устанавливается новый принцип моральности, а только дается новая формула. Но кто решился бы вводить новое основоположение всякой нравственности и как бы впервые изобретать такое основоположение, как будто до него мир не знал, что такое долг, или имел совершенно неправильное представление о долге?» (Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 6-ти тт. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 319).

иных мировоззренческих или ценностных позиций, причем самым сильным (хотя и не всегда явно высказанным и осознанным) критическим аргументом было указание на их несоответствие (или неполное соответствие) обычному, интуитивному пониманию того, какие именно реалии фактически оцениваются моральным сознанием как «добрые» и «должные».

3. Почему же стихийно сложившееся интуитивное понимание морали так и не отлилось в единую чеканную формулу, которая схватывала бы сущностные признаки, фактически мыслимые в этом понятии? Дело в том, что теоретиков морали в первую очередь интересует *содержание* ее принципов и норм, т.е. *что именно* мораль предписывает и запрещает, одобряет и осуждает, и каков, так сказать, «общий знаменатель» всех этих максим и вердиктов, т.е. какой единой абстрактно-содержательной формулой, выражающей суть, природу морали, они могут быть описаны. Однако очевидное многообразие, а нередко и явная несовместимость моральных кодексов и частных норм, сложившихся в разные эпохи, в разных социумах и даже у отдельных людей, заставляет исследователей либо отказаться от попыток унификации морали на базе единых содержательных критериев (и занять, таким образом, позицию морального плюрализма и релятивизма), либо вопреки указанной очевидности отстаивать идею внутреннего единства и общезначимости моральных ценностей, доказывая «неподлинность», кажимость внешнего их многообразия.

4. Но даже если удалось бы найти не вызывающую сомнений, общезначимую формулу такого рода, это не позволило бы четко и однозначно вычленить объект исключительно моральных требований, поскольку то, к чему мораль призывает и понуждает, может быть предметом также и иных, неморальных велений, устремлений и чувств. Не всякий кодекс правил, норм, оценок (побудительная интенция которых выражается словами «надо», «должно», «правильно») есть именно моральный кодекс, не всякая жизнеучительная нормативность является собственно моральной нормативностью; вообще, далеко не все этические учения являются специфически моральными: чаще всего они включают в себя как моральные, так и неморальные элементы, хотя могут быть также и чисто моральными, и чисто неморальными (иногда даже аморальными) учениями. Подобные учения, почти (или вовсе) лишенные морального содержания, встречались уже в античной этике. Классический образец «этики без морали» – это гедонизм, представляющий собой, несомненно, этическое, но отнюдь не моральное учение, ибо проповедь удовольствия как высшего блага и «технологические» рекомендации относительно наиболее эффективных способов получения удовольствий непосредственно не сопряжены с «моралью» в ее позднее сложившемся более узком понимании.

5. Поэтому упомянутые популярные сентенции можно признать собственно моральными только в том случае, если за их императивно-побудительной интенцией стоит *эсклюзивное моральное вменение* определенных поступков потенциальному адресату. Мораль, таким образом, специфична не столько в содержательном, сколько в интенциональном отношении. Конечно, моральная интенция всегда связана с тем или иным содержанием (т.е. направлена на определенный предмет), однако это содержание исторически и «культурально» переменчиво, его единая основа с трудом угадывается в абстрактных формулах «нравственного закона», тогда как уникальная интенция морального сознания инвариантна в социальном времени и пространстве, она вполне автономна по отношению к содержанию моральных норм и оценок и в принципе совместима с любым

содержанием (хотя фактически содержательное многообразие моральных регулятивов всегда было так или иначе ограничено). Именно наличие этой единой интенции является показателем морального статуса разных по содержанию норм и оценок.

6. Признание объективно-безличного и безусловного долженствования главным отличительным признаком морального императива снижает возможность теоретической путаницы, смешения морали с другими формами ценностного сознания, действительное многообразие которых служит источником неверного представления о множественности «моралей». Кант в свое время четко разграничил моральное и неморальное, императив «категорический» и императив «гипотетический» (правда, применив для этого разграничения сложную метафизическую конструкцию), а также показал (хотя уже не столь четко и доказательно), что неморально-должное, не будучи моральным в «субстанциальном» смысле, может быть тем не менее объектом моральной оценки – в одних случаях оценки позитивной, в других негативной, – из-за чего, главным образом, и происходит ошибочное отнесение неморальных императивов к сфере морали. И все же, несмотря на высочайший авторитет Канта, произведенная им радикальная сепарация морального и неморального имеет не так уж много сторонников: в философии, как и в обыденном сознании, по-прежнему прочно держится еще докантовское неопределенно-расширительное понимание морали, охватывающее едва ли не всю сферу ценностей без сколько-нибудь ясных внутренних разграничений. Правда, в тех весьма распространенных житейских и социально значимых ситуациях, где выбор поступка совершается через столкновение, конфликт разнопорядковых ценностных позиций, обыденное сознание, как правило, непосредственно улавливает различие между собственно моральными и любыми другими регулятивными нормами и побудительными мотивами, однако на содержании этических теорий эта обыденная интуиция не сказывается сколько-нибудь заметным образом.

Таким образом, разногласия по поводу того, какая из предлагаемых философами формул является подлинным основоположением морали, фактически имеют общим источником разное понимание самого феномена морали, разную трактовку тех необходимых и достаточных признаков, которые в совокупности составляют специфику моральных ценностей.

PS. Тема единственности морали и ее содержательной и интенциональной специфики в более развернутом виде представлена в моих статьях:

(1) «Мораль в единственном числе» (http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/em/em_14/1.pdf)

(2) «Что такое мораль: проблема определения» (http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21838).